

ВЛАДИМИР ТОРИН

ОЛЕГ ЯКОВЛЕВ

МИСТЕР ВЕЧНЫЙ КАНУН

УЭЛИХОЛН

18+

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФА](#)

МИО

Багровый, как дорожка свежей крови, поезд полз между серыми холмами вересковых пустошей. Он выкашливал пар из трубы локомотива, скрипел и скрежетал, да и вообще выглядел так, будто вот-вот развалится, но, несмотря ни на что, упрямо пробирался все дальше и дальше на восток. Вагоны качались из стороны в сторону, колеса стучали по рельсам, угрюмо светились рыжие глаза-окна.

Туман вплотную подступал к поезду, и человеку впечатлительному могло бы показаться, что в нем проглядывают зыбкие очертания фигур в пальто и шляпах, а иной, кроме белесой бесформенной мглы, ничего бы там не увидел.

За одним из окон последнего вагона, в единственном купе во всем поезде, где не горел свет, виднелась чья-то голова. Голова эта прислонилась к стеклу, лицо было прикрыто темно-зеленой твидовой шляпой. Человек спал. Хотя спать ему оставалось недолго.

— Проснись... — едва слышно пролепетал тоненький птичий голос.

— Проснись... — вторил ему другой.

— Проснись... — подключился третий.

Черное одеяло, которым укрылся спящий человек, зашевелилось, и оказалось, что оно будто бы сплетено из угольных птичьих перьев, — да и не одеяло это было вовсе: человека в купе сплошь облепили черные птицы! Коготки царапали кожу сквозь одежду, тонкие острые клювики тыкали и кололи грудь, плечи, руки, и с каждым мгновением эти уколы становились все болезненнее. На костюме появились дыры, из пальто полезли нитки, а на рубашке, впитываясь в ткань, проступила кровь. Одна из птиц вонзила клювик между ребрами спящего человека. Он вздрогнул и заворочался, и тогда птицы начали тлеть и сворачиваться, распадаясь пылью, как засыхающие опавшие листья. Черное одеяло исчезло, словно его никогда и не было, но голоса продолжали звучать:

— Проснись, проснись, проснись... Проснись!

Шепот превратился в пронзительный крик, колеса вагона ударились о стык между рельсами, вагон трянуло, и Виктор Кэндел очнулся.

Он убрал шляпу с лица, потер заспанные глаза и сел ровно. Зевнув в кулак, Виктор легонько помассировал онемевшую от неудобной позы шею.

В купе было холодно и темно: керосиновая лампа на откидном столике потухла. За окном туман затянул собой все видимое пространство, и Виктору показалось, что, пока он спал, мир за пределами поезда исчез. Временами вдалеке вспыхивали и сразу же гасли огни, словно пустоши подмигивали не до конца проснувшемуся пассажиру, — это были то ли семафоры на параллельной ветке железной дороги, то ли просто фонари рабочих с болот, то ли...

Виктор вдруг почувствовал шевеление напротив и повернул голову — то, что он увидел, заставило его проснуться окончательно...

Птицы из его полузабытого, рваного сна марки «Сидячий дорожный сон» не остались где-то там, в вотчине дремы, а перебрались следом за ним в купе. Всего птиц этих было

около двух дюжин — они раскачивались на скрипучих жердочках в небольших клетках и, судя по всему, принадлежали пожилой даме, сидевшей рядом с ними. Дама глядела в окно и шепотом пересчитывала вспыхивающие в тумане огни на пустошах.

Выглядела попутчица довольно причудливо. Она куталась в серую шерстяную шаль, настолько длинную и кашлатую, что благодаря ей напоминала огромный сгорбленный ком пыли. На крючковатом носу старухи сидели очки с толстыми стеклами, из-за которых ее глаза казались просто громадными, но самым странным в попутчице была дряхлая остроко-нечная, с мятыми полями шляпа, какие не носят уж лет этак двести.

Виктор нескромно уставился на шляпу и ее хозяйку, пытаясь понять, откуда они здесь взялись, ведь он точно помнил, что перед тем, как заснул, он был в купе один — только он и его страхи, присыпанные, будто кофе корицей, тревожными догадками о ближайшем будущем, о прибытии и о людях, которых он давно не видел.

Когда же старуха здесь появилась?

Виктора вдруг посетила странная мысль, что попутчица уселась напротив буквально за одно мгновение до того, как он проснулся. А перед этим просочилась в вагон сквозь какую-то щель в виде клока тумана. Или — попытался он умерить воображение — все обстояло намного прозаичнее, и она просто пересела из другого купе.

Виктор снова зевнул.

— Здравствуйте, — поздоровалась попутчица, оторвавшись от созерцания туманных холмов. Голос ее был густым и вязким, как мед в горшочке.

— Здравствуйте, мэм. Вы не будете против, если я зажгу лампу?

Положив шляпу на столик, Виктор потянулся к карману за спичками, но попутчица покачала головой.

— О, я была бы против, — дама кивнула на свои клетки. — Мои любимцы не слишком жалуют яркий свет. У них, понимаете ли, очень чувствительные глаза...

— Это кто у вас? — вежливости ради поинтересовался Виктор. — Дрозды? Хотя они больше похожи на маленьких воронов...

— О! Ни те и ни другие, молодой человек! — дама внезапно обрадовалась: очевидно, питомцы являлись ее излюбленной темой для разговора. Она всем телом повернулась к клеткам и склонилась над ними, едва не задев прутья стеклами очков. — Это черные катарки — редчайшие и красивейшие птицы! Помимо меня, в Англии их разводит лишь сэр Макторкок из Лэк-Эдина, что на границе с Шотландией.

Виктор вгляделся в птиц. То, что черные катарки редкие, он допускал, поскольку никогда о них прежде не слышал, но вот по поводу их красоты он бы поспорил: обладатели тонких клювиков и матовых глаз выглядели, как застывшие сгустки смолы.

— Значит, вы их разводите...

— Да, а потом нахожу для них новые домики. Мои малыши нуждаются в заботе и уходе... — Тут попутчица оторвала взгляд от птиц и вонзила его в Виктора. — Прошу простить мою неучтивость. Юджиния Хэтти... Мисс Юджиния Хэтти.

— Виктор Кэндл, — представился Виктор.

— Едете в Уэлихолн? В отпуск или по работе?

«Лучше бы она продолжала нахваливать своих птичек», — подумал Виктор. Он не слишком-то любил откровенничать с первыми встречными, но закон вежливости, к его большому сожалению, никто не отменял. Парадоксальный закон вежливости... В свое время он не помешал Виктору устроить скандал — по сути, сбежать из дома и уехать в столицу без материнского благословения, — но при этом сейчас обязывал отвечать какой-то незнакомой старухе.

— Еду домой. К празднику.

— К празднику? — недоуменно подняла брови мисс Хэтти, а потом улыбнулась: — А, Канун! Ну конечно!

— А вы? — спросил Виктор, хотя, по правде, ему не было дела: сейчас все его мысли занимало другое. Стоило удивлению от неожиданного возникновения попутчицы отступить, как к нему вернулись его прежние страхи. Скоро он придет домой. Скоро он увидит Ее. Интересно, Она ему что-то скажет? Или молча вышвырнет за порог?

— А я... — мисс Хэтти глядела в пустоту перед собой. Она также сейчас находилась мыслями где-то далеко. — Меня позвали... Я не была в Уэлихолне много-много лет и еще столько же не появлялась бы, но подарочки... да, подарочки, которыми они меня заманили, стоят поездки. Стоят того, чтобы я собрала свою любимую козловую сумку и своих малышей в дорогу.

«Странный ответ», — подумал Виктор — зловещие нотки в голосе этой чудаковатой женщины пробудили в нем неясную тревогу. Что-то с ней все же было не так...

— Я еду повидать внуков, — добавила мисс Хэтти, и Виктор про себя усмехнулся собственной мнительности. — Давно не видела маленьких негодников — совсем позабыли старую.

Виктор поглядел в окно — все те же туманные холмы, все те же огни, что порой на них вспыхивают...

Мисс Хэтти продолжила рассказывать о своих внуках, но он ее не слушал. Виктор думал о том, что его ждет, гадал, не совершил ли ошибку, и спрашивал себя: «Зачем... ну зачем ты едешь домой?» Сердце настойчиво твердило: «Ничего хорошего тебя там не ждет».

Семь прошлых лет он отправлял открытки к праздникам, и этого всегда хватало. Из дома приходили пространные и душевные, чем-то напоминающие выдержки из личного дневника письма сестры, яркие и пестрые самодельные открытки младших членов семьи и добродушные, беззаботные,

подчас анекдотичные послания дядюшки. Еще были письма от отца, в которых между строк проглядывала неизбывная тоска: когда Виктор читал отцовские письма, его не покидало ощущение, что он вовсе не держит в руках покрытый чернилами лист бумаги, а стоит перед распахнутым в холодное утро окном...

Ему писали почти все, только Она — никогда.

В этом году Виктор, как обычно, домой не собирался — у него было много работы, близился праздник, тем более господин редактор требовал осветить шумиху вокруг Хэллоуинского Дерева, которое неизвестно откуда появилось вдруг ночью в Гринвичском парке. Виктору не терпелось увидеть все своими глазами — еще бы, ведь на этом дереве росли... тыквы.

Он влез в пальто, подхватил саквояж с фотоаппаратом и портативным фонографом; шляпа заняла положенное ей место на растрепанных рыжих волосах. Наматывая на шею шарф, он уже повернулся было к выходу, когда... в щель для писем в двери протиснулся коричневый конверт. Падению конверта на круглый зеленый коврик сопутствовали бой дедушкиных часов в гостиной и грохот взволнованного сердца.

Виктор застыл в нелепой позе, будто персонаж на фотографии, выхваченный из жизни в момент пляски с шарфом. Он не спешил брать конверт, поскольку уже знал, откуда именно тот пришел, а еще его посетило неприятное предчувствие: кажется, Хэллоуинскому Дереву в Гринвичском парке не доведется сегодня раскрыть ему свои тайны.

Виктор пришел в себя, нагнулся и подобрал конверт.

Получатель:

«Мр. Виктор Кэндл, Роудвуд-парк, 34, Лондон, Соединенное Королевство».

Отправитель:

*«Мисс Бетти Сайзмор, Крик-Холл, Уэлихолн, графство
Эссекс, Соединенное Королевство».*

Все верно, письмо из дома. Но кто такая эта Бетти Сайзмор?

Пальцы Виктора дрожали, когда он вскрывал конверт и разворачивал письмо. С одной стороны, его одолевало любопытство, но с другой, ему совсем не хотелось узнавать, что внутри... Любопытство взяло верх, и он словно откинул крышку колодца, которым лет восемьдесят не пользовались: из письма тянуло затхлостью, сыростью и... опасностью. Оно было чертовски странным, это письмо. Почерк был незнаком.

«Дорогой Виктор!

Я догадываюсь, какой ворох чувств вызвал у тебя указанный на конверте адрес отправителя и какое недоумение — стоящее там имя. Поэтому сперва хочу признаться: Бетти Сайзмор не существует — я выдумала ее, поскольку не могу выдать себя, если письмо попадет не в те руки...

Я пишу тебе с просьбой — нет, с мольбой! — о помощи, ведь, кроме тебя, я больше никому не могу доверять. Любой из тех, кто здесь живет, может участвовать в том, что грядет...

Ты должен приехать как можно скорее! В Крик-Холле что-то затевается... На праздник приглашены опасные и безжалостные личности, и вскоре дом будет многолюден как никогда. Некто по имени Иероним... Он уже здесь, хотя все отрицают это. Он бродит среди нас, но все делают вид, что его нет.

Это письмо, я полагаю, застало тебя врасплох, тебя переполняют сомнения, но, к сожалению, я не могу раскрыть в нем всего (не те руки поблизости!). Когда ты переступишь порог дома, ты сам все поймешь!

Прошу, поверь: все это не розыгрыш и не уловка, чтобы заманить тебя в Уэлихолн. Если ты не откликнешься, то

надеяться мне больше не на кого. Поспеши! Будь осторожен и, молю тебя, внемли!

Р. С. Когда приедешь домой, никому не говори о письме. Помни: Иероним!»

Подпись отсутствовала — лишь внизу было выведено: «Крик-Холл». К письму прилагался билет на поезд. И... все. Подлинная загадка, загаданная в нескольких чернильных строках.

Виктор несколько раз перечитал письмо, но ничего так и не прояснилось. Что все это значит? Кто на самом деле скрывается под псевдонимом «Бетти Сайзмор»? В чем именно могут участвовать обитатели дома? Что грядет? И еще Иероним этот странный...

Несмотря на любопытство, он не собирался делать то, что просил неизвестный отправитель... не собирался, а затем словно какая-то незримая сила заставила его забыть обо всем, о чем он думал перед тем, как открыл конверт, и вспомнить о жизни, которую он называл кратко «То, вчера», всегда предпочитая сменить тему, когда кто-то о ней заговаривал. Эта незримая сила толкнула его в спину, буквально вышвырнув за порог лондонской квартиры, и понесла напрямик на вокзал. Вот так он и оказался в этом поезде, в этом вагоне, в этом самом купе...

Дверь купе неожиданно открылась. Ее стук оторвал Виктора от тяжелых мыслей, а мисс Хэтти — от рассказа о всевозможных посредственных достижениях ее неинтересных внуков. На пороге стоял высокий человек в длинном сером пальто и шляпе. Руки мужчины безвольно повисли вдоль туловища, он ссутулил плечи и выдвинул вперед шею. На бледном лице читалась смертельная усталость.

Незнакомец принес с собой холод. Сквозняк прошелся по ногам Виктора, и ему стало зябко. На коже выступили

мурашки, изо рта при дыхании начал подниматься пар: должно быть, кто-то из пассажиров открыл окно в конце вагона, а проводник и не заметил.

С появлением мужчины в пальто птицы мисс Хэтти начали вести себя странно — в них словно что-то вселилось: пернатые принялись прыгать и мельтешить по своим клеткам, оббивая крылья о прутья.

— Гвинн... — проговорил незнакомец заунывно, будто зевая. — Гвинн Моулинг. Вы знаете ее?

— Э-э-э... Нет, простите, — непонимающе ответил Виктор и поглядел на мисс Хэтти. Птичница пристально смотрела на незваного гостя.

А тот будто бы и не услышал ответа.

— Моя милая Гвинн... — со стоном продолжал он. — Она была несчастна и сделала то, что сделала. Я не виню ее. Но... Гвинн, моя милая Гвинн... Как же я хочу тебя увидеть вновь.

Сложившаяся ситуация показалась Виктору крайне нелепой.

— Простите, мы не знаем Гвинн, — сказал он твердо. Таким тоном он обычно разговаривал с назойливыми коммивояжерами. — Будьте добры, закройте дверь. Здесь настоящий сквозняк. Холодно!

Мужчина в пальто не ответил. Он просто повернулся и пошагал по проходу прочь.

— Эй!

Виктор резко поднялся на ноги; задетая им шляпа упала со столика на пол. Подойдя к двери, он выглянул в проход. Там никого не было. Мужчина, спрашивавший о Гвинн, вероятно, зашел в соседнее купе. Виктор раздраженно поморщился и затворил дверь. А затем вернулся на свое место у окна.

— Ваша шляпа, молодой человек. — Попутчица услужливо протянула Виктору его головной убор.

— Благодарю. — Взяв шляпу, он кивнул на закрытую дверь. — Странно, правда?

— Не вижу ничего странного. Они все возвращаются домой...

Ее ответ лишь усугубил абсурдность происходящего.

— Кто «они»?

— Те, кто покинул дом.

— Да уж... — пробормотал Виктор и подумал: «Спрашивается, и почему нельзя говорить по-человечески, как в Лондоне? Вот она, неумолимо приближающаяся чертова родная провинция с ее чудаками».

— Вы не знаете, сколько еще осталось до Уэлихолна? — спросил он, сомневаясь, что получит внятный ответ.

— Станция Уэлихолн будет через четыре часа тридцать восемь минут, — не задумываясь ни на мгновение, ответила мисс Хэтти. Должно быть, у нее где-то под шалью тикал идеально точный хронометр или она просто сказала первое, что пришло ей в голову. Виктор не стал вдаваться в подробности.

— Тогда вы не против, если я посплю где-то... м-м-м... четыре часа тридцать пять минут?

— Как я могу быть против вашего сна? — попутчица прищурилась. — Но вы должны помнить, что сон в пути опасен.

— Чем же? — удивился Виктор.

— Вы полагаете, что просто засыпаете и едете себе дальше, а потом просыпаетесь, и жизнь продолжается как ни в чем не бывало, так? А вот и нет! Не понимаете? Пока вы спите, произойти может всякое. К примеру, поезд свернет куда-то не туда и вы прибудете в такое место, о котором лучше даже не задумываться. Или еще хуже: быть может, вы никогда так и не проснетесь, а вместо вас на вашей станции, прикидываясь вами, сойдет кто-то другой. Пока подлинный вы где-то там — потеряны в темном купе какого-то поезда в пустошах... — Мисс Хэтти поправила очки и вдруг

рассмеялась. — О, не смотрите так — да я же шучу, разумеется... А если серьезно, то все же стоит порой быть чуточку менее беспечным: вы не можете знать, кто зайдет в ваше купе, пока вы спите, кто сядет напротив и какая встреча не значит ничего, а какая значит... что-то.

Виктор кивнул, непонятно с чем соглашаясь. После чего вновь надвинул шляпу на лицо и закрыл глаза. И хоть он не доверял этой явно сумасшедшей женщине (она запросто могла что-то украсть или вытворить еще какую-нибудь пакость), его успокоил следующий мрачный вывод: «Вряд ли со мной сейчас может случиться что-нибудь хуже возвращения домой, которое вскоре меня ожидает. И может быть, даже лучше, если поезд свернет не туда или вместо меня на станции сойдет кто-то другой. И тогда кто-то другой вместо меня придет домой. И все, что намечается, свалится на него...»

С этой логичной мыслью он и заснул.

Поезд качнулся и встал. Виктор тоже качнулся и стукнулся головой о стекло. Шляпа слетела с макушки и упала на лампу, будто на специально предназначенную для нее подставку.

— Уэлихолн! — за окном раздавался трубный, как гудок паровоза, голос встречающего пассажиров станционного смотрителя. — Уэлихолн!

Виктор оглядел купе — никого... Пустое сиденье напротив выглядело тоскливо и даже несколько угрюмо. Не было ни намека на то, что там вообще кто-то недавно находился: пернатый или же в очках и нелепой остроконечной шляпе.

Виктор похлопал себя по карманам, после чего проверил замки на саквояже. Похоже, птичница все же была не из тех, кто обирает сонно-доверчивых попутчиков: и бумажник, и билет, а также — он удостоверился отдельно — письмо от Бетти Сайзмор никуда не делись.

Виктор вдруг поймал себя на том, что уже в пятый раз открывает и закрывает защелки на саквояже. Ему совершенно не хотелось надевать пальто и обматывать шею этим удрушающим шарфом. Не хотелось вставать и куда-то идти...

Мимо окна прошел станционный смотритель в шинели и фуражке. В руке он держал колокол, заливающийся, как кот, которому прищемили дверью хвост. Гаркнув очередное «Уэлихолн», служащий вокзала привел Виктора в чувство.

«Неизбежное, как говорит шеф, неизбежно, — подумал он, — поэтому или ты выпустишь тираж, или тебя сдадут в тираж — третьего не дано. Так что отрывай задницу от сиденья, Кэндл, и вперед».

— Вперед, — поморщился Виктор с презрением к самому себе и своей нерешительности.

Он поднялся рывком, будто бы отклеивая себя от сиденья. Мгновение — на пуговицы пиджака. Мгновение — на пальто. Шарф — спиралью вокруг шеи. Переместить шляпу с лампы на макушку, не забыть саквояж...

Виктор сошел с подножки на мощный плиткой перрон и погрузился в утренний туман и паровозный пар. Он мгновенно утонул в толпе отправляющихся, встречающих, носильщиков с их вездесущими тележками и продавцов с их не менее вездесущими переносными лотками. И вдруг в этом шевелящемся в серых клубах многоголовом, многоногим и многочемоданном существе Виктор Кэндл увидел это лицо.

Было видно, что она заготовила совершенно иную реакцию — быть может, даже холодность, строгость и едкую обиду, — но стоило им встретиться взглядом, как на ее губах сразу же расплылась широкая улыбка, и Виктор вспомнил, почему в детстве называл ее лягушонком.

Правда, сейчас она мало чем напоминала ту костлявую, несуразную одиннадцатилетнюю девчонку, которую он

оставил здесь семь лет назад. Перед ним стояла красивая девушка в узеньком бордовом пальтишке. Волосы цвета воронова крыла торчали длинными прядями-перьями из-под красной вязаной шапки. Больше Виктор ничего разглядеть не успел...

— Вик!

Она бросилась ему на шею с такой порывистостью, какая возникает лишь в последний момент и которую нельзя запланировать заранее.

Виктору стало неловко.

— Здравствуй, кроха Крис, — пробормотал он в ухо сестре — или, точнее, в прядь черных волос, закрывающих это ухо. — Я тоже очень рад тебя видеть, но обниматься с дорожной сумкой в руке, знаешь ли, не очень удобно.

Кристина Кэндл отстранилась и снова сделала «лягушонка».

— Занудой был — занудой и остался. А я-то думала, университет и Лондон тебя изменили!

— Боюсь, это им оказалось не под силу.

Люди вокруг толкались. Туфли ступали по ногам Виктора, чемоданы бились окованными углами в его бока. Порой кто-то бурчал «извините», но чаще пассажиры даже не замечали причиненных ими неудобств. На станции было слишкомлюдно для такого маленького города, как Уэлихолн, и в основном перрон заполонили прибывшие. Виктор решил, что, как и он, они приехали к празднику, который только здесь, кажется, и умеют отмечать.

Сестра рассматривала его не моргая. Виктор потупил взгляд: он не мог долго смотреть в эти беспросветно черные глаза — такие же глаза, как у Нее.

— Ладно, пошли скорее отсюда.

Кристина подхватила тяжеленный саквояж брата и с показной легкостью потащила его прочь с перрона, мимо выплевывающих последних пассажиров вагонов, больших часов

и билетных касс. Виктор следовал за сестрой, как собачонка на поводке, и они уже почти покинули здание вокзала, когда вдруг кое-что привлекло его внимание.

На одной из скамеек зала ожидания он заметил знакомую фигуру. Виктор мог бы поклясться, что видел остроконечную шляпу и блеснувшие площадки очков, но стоило между ним и бывшей попутчицей пройти какому-то торопящемуся пассажиру, как на том месте, где она только что вроде находилась, никого не оказалось.

— Эй! — раздался сопровождаемый шелчком пальцев возглас от дверей. Это Кристина пыталась привлечь его внимание. — Я понимаю, что ты домой не торопишься, но у меня еще дела в городе — нужно по дороге заехать за Крендельком.

— Твой ухажер? — невесело усмехнулся Виктор, подойдя к сестре. Вслед за ней он протиснулся через старую вращающуюся дверь. — Ты называешь его Кренделек? Как омерзительно мило...

— Ха! Можно сказать, ухажер — хлопот от него не меньше! — Кристина звонко рассмеялась. — Крендельком его называю только я. За то, что он ворует крендельки из блюда в гостиной. Вообще, он любит, когда его величают Коннелли, — он у нас птица тщеславная. Сейчас Кренделек у ветеринара — какая-то напасть с глазами. Отдали позавчера. Сегодня не только ты возвращаешься домой.

— Ты что, завела канарейку?

Округлившиеся глаза сестры можно было использовать в качестве двух печатей под документом, заверяющим, что Виктор — болван.

— Почему канарейку? Коннелли — кот!

— Ну ты что-то говорила о тщеславной птице, я и подумал...

— Это же фигура речи! А вы ведь у нас репортер, мистер Кэндл, — вам ли не знать таких вещей! Канарейка, хм...

— Отстань. — Виктор насупился. Он не виноват в том, что сейчас почти не соображает и будто бы плывет по ветру, как один из этих влажных туманных клочьев, в ожидании, пока его не принесет к порогу, который он с радостью обошел бы стороной.

Кристина снова шелкнула пальцами — судя по всему, это была ее новая вредная привычка. Раньше, как он помнил, она то и дело чесала нос, причем всей пятерней, что выглядело жутковато.

— Помнишь «Драндулет»? — спросила сестра с улыбкой, ткнув пальцем в громадину, которая стояла у входа в здание вокзала.

Виктор застыл. Это был он...

«Драндулет» на самом деле был стареньким двухдверным «Фордом» модели «А». Бордовая краска облупилась, радиатор, напоминающий кривой оскал, насквозь проржавел, две круглые фары на покатых передних крыльях походили на усталые глаза хронического больного.

На этой машине Бэзил, покойный дворецкий Кэндлов, отвозил их с сестрой в школу, после чего заезжал на рынок и в лавки, забирал почту, встречал на вокзале деловых партнеров отца и доставлял их на свечную фабрику Кэндлов, а затем вновь ехал в школу, но уже чтобы забрать детей семейства.

Годы прошли. Бэзил умер. Семейное предприятие зачахло, и на кованые ворота фабрики повесили огромный замок. Детей начали возить на школьном автобусе, а «Драндулет» остался стоять в гараже, и после смерти Бэзила его никто не мог завести. Странно, что Кристине удалось заставить эту железяку двигаться.

Сестра затащила сумку Виктора на заднее сиденье «Драндулета», села за руль и отворила для брата дверь.

— Ну, чего ждешь? — спросила она. Кристина всегда была непоседливой и нетерпеливой — что ж, это не изменилось.

Виктор, задумчивый и преисполненный угрюмых воспоминаний, ступил на подножку и сел в салон. Дверь захлопнулась за ним сама собой. Не успел он этому удивиться, как машина дернулась и, скрежеща, сорвалась с места...

«Драндулет» трясло и качало на ухабистой мостовой.

Виктор молча глядел в окно.

Улочки, по которым они ехали, были туманно-серыми и неприятно-знакомыми. Все здесь о чем-то напоминало. Вот в этой пекарне он подрабатывал после школы: таскал мешки с мукой, топил печи и следил за противнями. По этой улице за ним гнались мальчишки, любившие поиздеваться над «хилым сыночком» тогда еще «богатеньких» Кэндлов. В той подворотне он от них прятался. А у мясной лавки мистера Брекли его таки отыскивали. Ох и крепко тогда досталось... Вот в этом темно-зеленом газетном киоске на углу работал когда-то мистер Кинни, который зачитывал прохожим утренние новости, добавляя от себя жуткие и животрепещущие подробности. Обычно его не слушали — либо игнорировали, либо потешались над ним: сумасшедшим был этот мистер Кинни...

Улица за улицей... «Драндулет» катил будто бы вовсе не по городу, а по страницам памяти и снов, по выцветшим фотографиям, запечатлевшим то, что все так любят называть этим тоскливым словом «прошлое»...

Виктор спрятал руки в карманы пальто, чтобы сестра не заметила, как они дрожат. Впрочем, он мог этого и не делать — она беззаботно болтала и ни на что не обращала внимания.

Кристина не замолкала ни на минуту с того самого момента, как они сели в машину: она с восторгом жаловалась на родственников и соседей, с не меньшим восторгом рассказывала о парне с Можжевеловой улицы, который продает розы в лавке своей матери, говорила о своей скучной работе

в библиотеке и о подругах Дороти и Эбигейл, которые «ну точно тебе понравятся, Вик!».

Виктор почти ее не слушал — он глядел на ржавые фонарные столбы, на облетевшие деревья и вороньи гнезда в их ветвях. В этих скверах они когда-то гуляли с Сашей и думали, что все у них будет хорошо, что они навсегда останутся такими — счастливыми и любящими друг друга. По этим тротуарам они когда-то с ней ходили, обнявшись. В этих кафе они сидели, потягивали кофе и целовались.

Саша... самый бледный и хрупкий из всех призраков прошлого, которых он пытался забыть. Саша... именно из-за нее он бросил все и сбежал, прикрываясь неумным желанием учиться и работать в большом городе, в самой столице! Но к сожалению, легче не стало, и, по сути, он лишь сменил парки с тихими аллеями и древними деревьями Уэлихолна на свинец Темзы и ледяную брусчатку Лондона. Грызущую днями и ночами тоску, чувство утраты и разбитое сердце не излечить переменой обстановки. Кто бы. Что. Ни говорил.

Виктор поглядел на сестру. Она совсем на него не похожа. Такие люди просто не умеют унывать: эмоциональные, яркие и обжигающие, как огонек свечи, они скорее сожгут полгорода, чем позволят кому бы то ни было вогнать себя в меланхолию.

Что может больше сказать о человеке, чем его профиль? Что ж, профиль Кристины был таким же болтуном, как и она сама, — он говорил о многом... Нос со слегка вздернутым кончиком, изогнутая, будто в вечном изумлении, бровь, прищуренный глаз и слегка опущенный уголок губы. Много задора и немного коварства, непреклонная, по-детски непримиримая — вот какой была Кристина Кэндл. Даже матери она, помнится, устраивала «веселые» деньки — единственная, кто смел сказать ей слово поперек.

— ...И ты совершенно его не узнаешь, — продолжала щебетать Кристина, словно находясь в совсем ином временном потоке. — Он повсюду бродит в этом нелепом халате и носит с собой бумажник, полный носовых платков. Вот смех-то...

— Как ты узнала, что я приеду? — спросил Виктор.

Вопрос был вроде как совершенно обычным — простое любопытство без какой-либо подоплеки. Якобы. Но Кристина вдруг замолчала и нервно посмотрела на него, после чего вновь переключила внимание на туманную улочку, по которой ехал «Драндулет».

— Что? — спросила она дрогнувшим голосом. — О чем ты?

«Быть может, таинственная Бетти Сайзмор — это Кристина?» — предположил Виктор, глядя на сестру.

— Ну я ведь не писал, что приеду, — с деланным безразличием сказал он. — Думал еще, что буду добираться до Крик-Холла битый час. Схожу с поезда, а тут ты...

Услышав объяснение брата, Кристина заметно успокоилась.

— Дядюшка Джозеф сказал. Шепнул сегодня за завтраком: «Приедет Виктор. Первым утренним поездом. Тринадцатый вагон. Встреть его. Только никому не говори». У-у-у... — протянула сестра, сложив губы трубочкой, после чего рассмеялась. — Какие мы скрытные! Хотя... — Кристина вдруг помрачнела, и Виктор понял: «Подумала о Ней», — я прекрасно понимаю, почему ты никому не сообщил о своем приезде.

«Значит, дядюшка Джозеф знал, что я приеду, — нахмурился Виктор. — Неужели письмо было от него и это он подписался “Бетти Сайзмор”? Странность какая. Да и на него это совсем не похоже... он ведь такой веселый, такой беззаботный, от него никогда не стоило ничего ожидать...»

— Признайся, — сказал Виктор, — отчего ты занервничала, когда я спросил тебя о встрече?

Кристина бросила на него очередной короткий взгляд. На этот раз Виктор успел прочесть в нем смущение.

— Ладно. Только никому ни слова. Особенно... сам знаешь кому. Она будет в ярости, если узнает, что я ездила на Можжевеловую улицу.

— Как мой приезд связан с Можжевеловой улицей? — непонимающе уставился на Кристину Виктор.

— Я едва не проворонила твой поезд, потому что... ну... Тот парень из цветочной лавки с Можжевеловой улицы, о котором я рассказывала. Я заехала в эту лавку купить цветок — ну, ты понимаешь, — перед тем как встретить тебя, и едва не опоздала на вокзал, а его мамаша — та еще пиявка: «Мы Кэндлам цветов не продаем...» Ой-ой-ой, тоже мне, как будто мне есть дело до ее...

Виктор больше не слушал и вновь уставился в окно.

«Драндулет» вынырнул из тесных квартальчиков и оказался возле большого старого парка. Фасадом на парк глядела школа, в которую когда-то ходил Виктор. Сейчас там, должно быть, учится Томми, его младший брат. Ему около одиннадцати. Интересно, какой он? Похож на отца или на Нее?..

Они остановились на перекрестке. По пешеходному переходу с трудом тащила себя и покупки, торчащие из коричневого бумажного пакета, какая-то старушка. Мимо по тротуару пробежал облезлый пес и скрылся в тумане.

До Виктора донеслись звуки музыки, и он повернул голову. Чуть в стороне стояли четверо уличных музыкантов, подыгрывавших скрипу ветвей деревьев и вою ветра. Музыканты эти будто только что вылезли из какой-то канавы: залатанные штаны, выдавшие виды пальто, обувь столь же чиста и опрятна, как и лужи, в которых она находится, — настоящие бродяги. Да и инструменты были им под стать — облезлые, пошарпанные, хлипкие. Перед музыкантами на тротуаре лежала шляпа, голодным подкладочным ртом молящая о нескольких пенни.

Один из бродяг пел хриплым пропитым голосом. Виктор встрепенулся, когда услышал собственное имя.

...Виктор и его демоны ищут тебя...

В Лондонском смоге я встретил его,
Пропивал свою жизнь и не знал он того,
Что хоть пей, хоть не пей, а сгинешь, как все:
Скорбя о любви. ...Вот я и рядом присел.
Он все скулит: «Что за черт? Как же быть?
Эй, друг, посоветуй, как мне поступить!»
«Вот, выпей, дружище», — налил я ему.
И вместе в тот вечер пошли мы ко дну.

Виктор болтал — он был навеселе.
Уверял, что сбежала она на метле,
Что компас его сломан и карт не достать,
Что не может невесту нигде отыскать.

Сбоку вдруг раздался скрип, и Виктор, вздрогнув, поглядел на сестру.

Кристина закусила губу и скрючилась, наклонившись всем телом к лобовому стеклу, напоминая в этот миг какого-то жуткого горбуна. При этом она сжимала руль с такой силой, что он, казалось, вот-вот треснет. Сестра испепеляла взглядом старушку, переходившую улицу. А старушка все шла и шла. Дюйм за дюймом...

Бродяги меж тем запели нестройным хором. Судя по всему, это был припев:

...Виктор и его демоны заявили в город,
Уж поздно сбегать — им дай только повод,
За пинтой не спрячешься, душу скребя.
Виктор и его демоны ищут тебя...

Сказал он: «Прости мне, друг, это нытье,
Мне б в Темзы объятья, чтоб не помнить ее,
Но за каждым углом и в каждом окне
Ее вижу лицо, ее слышится смех.

И зачем обвенчался я с ведьмой?! Вот черт!
Уже третий по счету этот город и порт...»
Виктору сказал я, чтоб впредь меньше пил.
А сам ему виски до края налил.

«Драндулет» фыркал и трясся.

Кристина зашипела. В ее понимании старушка была самым нерасторопным существом во вселенной и волочилась так медленно ей назло. В силу своей энергичности и непоседливости Кристина не могла выносить подобное спокойно. Она явно воспринимала каждое едва заметное движение старушки как личное оскорбление.

Музыканты тем временем продолжали свою заунывную историю:

И вот мы сидим: он говорит, а я пью.
Изливает он душу мне, ему я — свою.
Не слышу, что наши истории схожи,
Что жалобы те же. Эх, две пьяные рожи!

Трактирщик кричит вдруг: «Плати-ка за виски!»
Я глянул: приятель мой ушел по-английски.
Я хотел объясниться, ничего не тая,
Но хмуро трактирщик глядит... на меня?..

И виски закончился, и хмель отпустил.
Дурно мне — видимо, лишку хватил.
И за столом никого, кроме разве меня,
Как будто я — это Виктор, а он — это я.

И они снова затянули угрюмый припев про этого Виктора, который то ли существовал, то ли не существовал, и про шайку его демонов.

— Давай... давай... — шептала Кристина. — Еще дюйм... еще полдюйма... Да!

Старушка с покупками наконец сдвинулась на указанные полдюйма, и Кристина вдавила педаль в пол. «Драндулет» рыкнул, фыркнул, чихнул дымом из выхлопов и сорвался с места.

Фигуры бродячих музыкантов в круглом треснутом зеркале заднего вида все уменьшались. А музыка и слова песни постепенно становились тише, поедаемые воем осеннего ветра.

Виктора вдруг посетила тревожная мысль о совпадении...

«Виктор и его демоны заявили в город...»

Конечно же, он слышал раньше эту старую ирландскую песню, но то, что он ее услышал сейчас, когда вернулся домой... когда он вернулся в... город...

А каких демонов он, словно герой песни, мог привезти с собой? Тоску? Свою извечную спутницу — меланхолию? Мрачные воспоминания? Страхи перед возвращением в родной дом? Да, демонов набралось на маленький карманный ад.

«Виктор и его демоны заявили в город...»

О, если бы он только мог знать...

Виктор и до того чувствовал себя неуютно в старой семейной машине, сидя возле родной сестры, которой сейчас он был чужим ровно настолько, насколько был близок в детстве. Но теперь с ними в «Драндулете» присутствовал еще кое-кто. Или, вернее — некто. А уж если учесть его самолюбие, то и вовсе — Некто.

Весьма валяжный и эксцентричный джентльмен сидел сзади и молчал всю дорогу. Виктор буквально спиной ощущал

его многозначительно невысказанное недовольство, презрение ко всему сущему и к этим людишкам спереди.

Кот Коннелли возлежал на мягкой подушке с его же вышитым изображением на наволочке и, несмотря на то что «Драндулет» постоянно подпрыгивал на неровной мостовой, умудрялся не шевелиться. На его шее красовался алый галстук-бабочка, а на глазах — что выглядело весьма странно — была белая повязка.

— Это временно, — пояснила Кристина и свернула возле городской библиотеки. Она помахала какому-то пешеходу — знакомый ответил на приветствие.

— А что с ним?

— Я не разбираюсь во всей этой кошачьей медицине, но кажется, у него появился... эм-м... негативный взгляд.

— Кот-пессимист? — удивился Виктор.

— Нет! — фыркнула сестра. — Просто Кренделек видит все в обращенных тонах — кругом для него, как... ну... негатив фотографии.

Кот раздраженно повернулся к Кристине. Механически медленный и отточенный поворот головы мог значить лишь одно: «Не называй меня этим глупым прозвищем при нем».

— Только представь, — восторженно продолжала Кристина, — белое стало черным, а черное — белым! Ужас! Поэтому с повязкой ему лучше.

Коту, очевидно, вся эта тема была не слишком приятна, и выражалось это в его недовольном выражении видимой части морды. Виктор решил не продолжать расспросы.

«Драндулет» нырнул под ржавую арку, на которой неровными бронзовыми буквами было выведено: «*На холм Ковентли*».

Туман отступил, будто кто-то разом стянул чехольную ткань со старой мебели, открывая гидранты, почтовые ящики, проволочные линии телеграфа, а еще двух- и трехэтажные

дома с черепичными крышами, которыми, точно деревьями, порос холм.

А затем — Виктор даже вздрогнул от неожиданности — показались знакомые очертания их дома.

Это место было старым, морщинистым, от него веяло чем-то нездоровым. Подобные дома обычно обходят стороной, но только не этот. О, только не этот. Здесь всегда ошивалось множество народа: дальние родственники, различные неприятные знакомые родителей и совсем уж странные личности, заявляющиеся порой без приглашения и чувствующие себя как дома.

Крик-Холл был большим особняком: три этажа и чердак в придачу. Стены сплошь поросли плющом, и дом казался одетым в зелень, как огромный зверь в шкуру. Зеленоватая черепичная крыша требовала ремонта, но у хозяев уже примерно с полвека все никак не доходили руки. Как, впрочем, и до окружавшего дом неухоженного, поросшего бурьяном сада.

«Подумать только... семь лет прошло, а здесь ничего не изменилось», — хмуро отметил Виктор.

Он бросил взгляд на свое окно. Чернеет... Значит ли это, что Она никого не поселила в его комнате?

Возле садовой ограды сидел старый соседский пес. Завидев «Драндулет», он вскочил на все четыре лапы и радостно завилал хвостом. Судя по всему, Кристина его подкармливала.

— Слушай, Вик, — сестра прервала молчание, когда они заехали на вымощенную камнем подъездную дорожку, — я поставлю «Драндулет» в гараж, а ты пока иди в дом.

— Хитрая какая. Хочешь избежать бури?

— А что если и так? — с вызовом бросила Кристина и, повернувшись к заднему сиденью, стряхнула с подушки явно осуждающего ее поведение кота. Под подушкой обнаружилась небольшая сумочка.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

Проза:

Детские книги:

